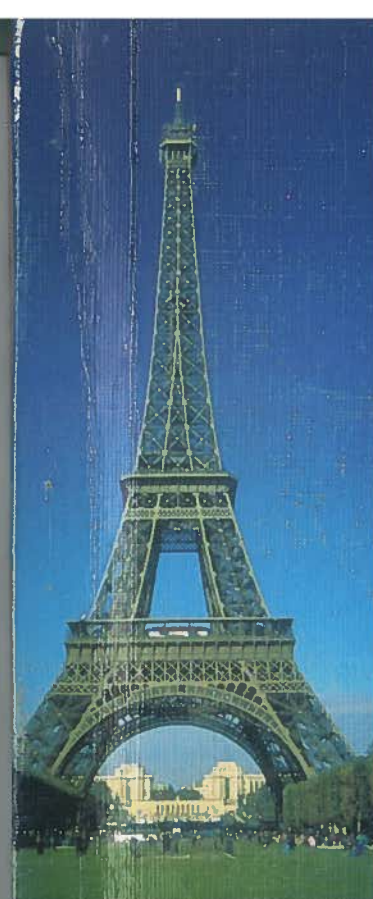
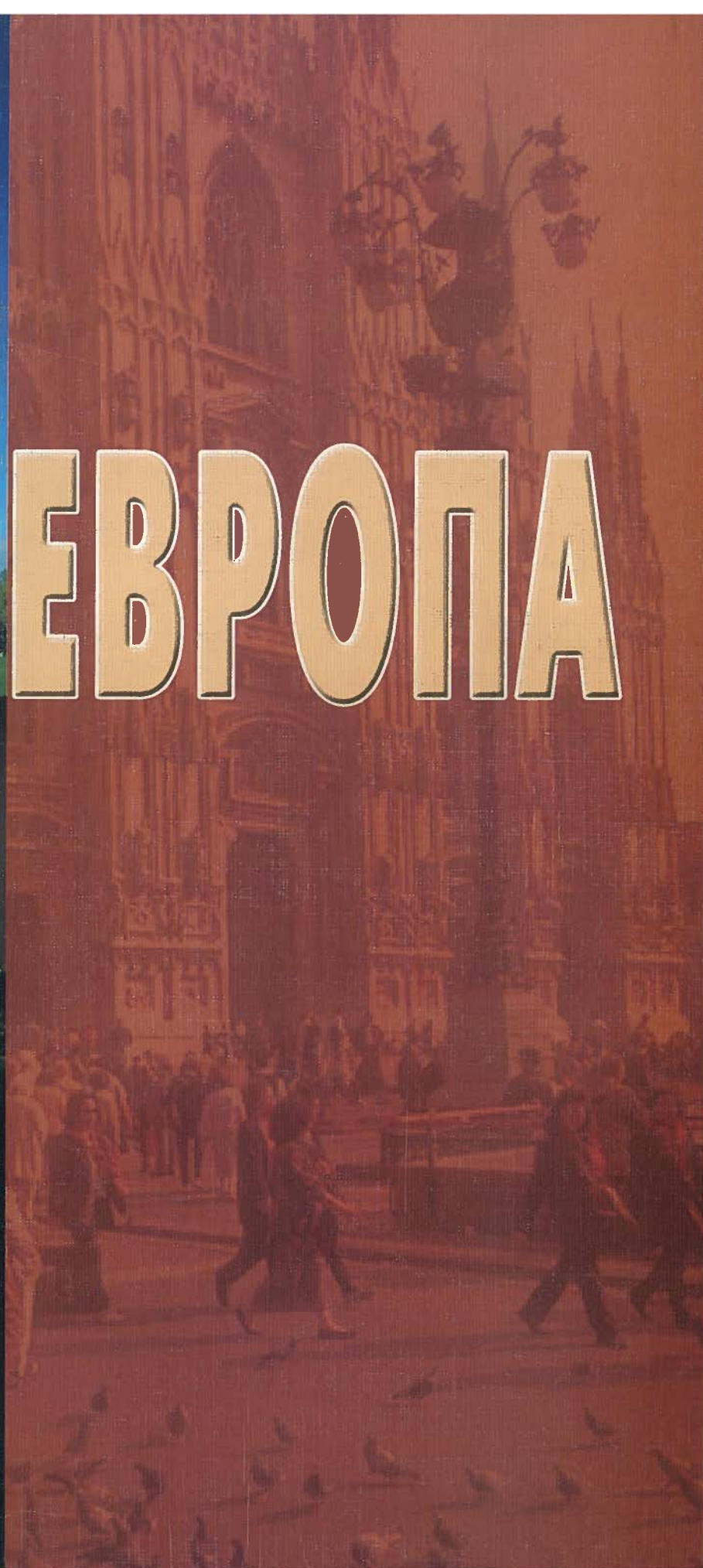

ЕВРОПА

Идея наказания судьбы за агрессию, разумеется, не могла быть выражена явно у народа, жившего еще идеалами древнегерманской военной героики, которая возводила конфликтность в ранг доблести. Тем более нельзя ожидать явной формулировки христианского самосознания в тексте, нацеленном не на авторское самовыражение, а на изложение фактов как достояния «молвы». Тем не менее проведенный нарратологический анализ, как кажется, способен пролить свет на соотношение конфликтности и толерантности в христианском самосознании раннесредневекового скандинавского общества.

Усилия Олава по обращению своих соотечественников в «правую веру» отчасти оправдывают в глазах рассказчика его агрессивность: вышеупомянутая характеристика Олава, приоткрывающая две стороны его поведения, заканчивается словами: «...друзья любили его, а недруги боялись. Он во всем добивался успеха, потому что одни выполняли его волю из любви и преданности, а другие из страха» (с. 150). Однако конец саги, сообщающий об обращении сыновей ярла Хакона, которые получили власть в Норвегии после смерти Олава, акцентирует иное: «И Эйрик ярл, и Свейн ярл крестились и приняли правую веру. Но когда они правили Норвегией, они никому не навязывали христианства. Они хорошо соблюдали старые законы и все обычаи страны. Их любили, и они были хорошими правителями» (с. 167). Эти завершающие сагу слова остаются в сознании читателя как явное выражение идеала толерантного поведения в христианском самосознании раннесредневековой Скандинавии.

SUMMARY

The present paper «Tolerant behaviour as a model of Christian self-perception in the history of the conversion of Scandinavia (at the material of Heimskringla by Snorri Sturluson)» is an attempt to evaluate the role and perception of the «tolerant» vs. «conflict» behaviour in the history of conversion of Scandinavia at the material of four «sagas of the kings» (Haraldssaga Hárfagra, Hákonarsaga Gypa, Haraldssaga Grófeldar and Ylófssaga Tryggvasonar) included in Heimskringla by Snorri Sturluson, the well-known Icelandic writer of the XIII century, and covering the events of the Xth century. Narratological analysis of the sagas helps to discover that in spite of the fact that the process of conversion in Scandinavia abounded with conflicts (including military ones) the «tolerant behaviour» remained an ideal model inherent in the spirit of the new religion while the «conflict behaviour» was more often perceived as a kind of deviation from the ideal produced by some historical circumstances without destroying the ideal itself.

В. В. ЯКОВЛЕВ
Тюменский университет

КОЛЛЕКЦИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЙ: ПРИМЕР ТИПОЛОГИИ*

Данная статья, хочется думать, открывает своеобразный цикл публикаций, в котором я намереваюсь рассказать о наиболее актуальных проблемах интерпретации раннесредневековых предзнаменований. Сейчас вниманию читателя будет представлена коллекция хроникальных знамений — в том виде, в котором они были записаны Григорием Турским (VI в.) и Павлом Диаконом (VIII в.). Следует подчеркнуть, что в дословном цитировании фрагментов со знамениями я вижу один из обязательных методов их изучения. Он позволяет рассмотреть каждое знамение в его семантической целостности — от эмоционального колорита, до порядка в чередовании знаковых образов.

Я предлагаю разделить все знамения из «Историй» Григория Турского¹ и Павла Диакона² на два типа — I «явные» и II «скрытые». За основу типологии целесообразно взять, соответственно, наличие или отсутствие для них в хрониках специальных терминов, а именно: «*signum*», «*portentum*», «*prodigium*», «*auspicium*», «*praesagium*». В свою очередь, «явные знамения» можно разделить на два подтипа: 1) со специальным и 2) без специального термина в названии главы. Прием описания знамений, избранный Григорием Турским, отвечает самым высоким стандартам в смысле стилистического оформления. Во франкской хронике до нас дошло наибольшее, по сравнению с лангобардской хроникой, количество названий глав, в которых наличествует слово «предзнаменование». Всего я насчитал четырнадцать таких названий (Greg. Tur. IV. 31; V. 23, 33, 41; VI. 14, 21, 25, 33, 44; VII. 11; VIII. 8, 17; IX. 5; X. 23). Знамения из этих глав и образуют тип «явных знамений» (подтип «явных знамений» со специальным термином в названии главы). В «Истории лангобардов» Павла Диакона «явных знамений» со специальным термином намного меньше, чем в «Истории франков». Всего лишь в трех названиях глав лангобардской хроники присутствуют ссылки на предзнаменования (Paul. Diac. II. 4; IV. 4, 15).

Валентин Валентинович Яковлев, канд. культурологии, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета, изучает средневековые знамения.

* Исследование поддержано грантом ФЦП «Интеграция» 2002 г.

¹ См.: Григорий Турский. История франков / Пер. В.Д. Савуковой. М., 1987 (далее — Григ. Тур.); Gregorius Turonensis. Historia Francorum / Ed. W. Arndt et Br. Krusch // Monumenta Germaniae Historica. T. 16 (1). Ed. societas aperiendis fontibus rerum germanicarum medii aevi. Scriptorum rerum merovingicarum. Gregorius Turonensis. Opera. T. 1. P. I. Hannovera, 1884 (далее — Greg. Tur.). Фрагменты со знамениями из «Истории франков» в статье приведены по переводу В.Д. Савуковой.

² Pauli historia Langobardorum / Ed. L. Bethmann et G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. T. 17. Ed. societas aperiendis fontibus rerum langobardicarum et italicarum saec. VI–IX. Hannovera, 1878 (далее — Paul. Diac.). Фрагменты со знамениями из «Истории лангобардов» в статье приведены по авторскому переводу.

I. 1. «Явные знамения» со специальным термином
в названии главы (17) «Historia Francorum» (14)

Сначала обратимся к тем четырнадцати главам франкской хроники, в названиях которых фигурирует слово «знамение». В количественном отношении лидером по числу употреблений для обозначения «знамений» в названиях глав «Истории франков» является термин «*signum*». Он присутствует в восьми названиях (Op. cit. IV. 31; VI. 21, 25, 44; VII. 11; VIII. 8, 17; X. 23). Чуть меньше — в пяти названиях турский епископ с теми же целями использовал термин «*prodigium*» (Op. cit. V. 23, 33, 41; VI. 33; IX. 5). И однажды историк применил термин «*portentum*» (Op. cit. VI. 14).

«*Signum*» (8)

I.1.1. В главе «De Tauredune castro et aliis signis» («О крепости Тавредуне и других знамениях») епископ сообщил, что «[...В. Я.] в Галлии с крепостью Тавредун произошло великое чудо («*magnum prodigium*»)». Судя по названию, события, произошедшие с крепостью, хронист причислял к знамениям, и поэтому я дам их подробное описание. Крепость, сообразно информации Григория Турского, была «расположена на берегу Роны, на горе. Более шестидесяти дней, — продолжал хронист, — гора издавала какой-то непонятный гул, наконец она раскололась и отделилась от другой, соседней с ней, горы, рухнула вместе с людьми, церквями, имуществом и домами в реку и запрудила берега этой реки, отчего вода устремилась вспять. Ведь это место с обеих сторон было закрыто горами, и в ущелье этих гор тек бурный поток. Теперь он наводнил и более высокие места, затопив и опустошив прибрежную местность. А поднявшись еще выше, вода хлынула из берегов, застала людей врасплох и, как сказано, поглотила их, снесла дома, уничтожила скот и своим бурным и внезапным наводнением сорвала и сокрушила все, что находилось на тех берегах вплоть до самого города Женева. Многие передают, что там было так много воды, что она переливалась в упомянутый город через стены. Известно, что, как мы и сказали, река Рона в тех местах текла через горное ущелье и не имела выхода в сторону, куда бы она могла повернуть, так как была ограждена горами. Сдвинутую и обрушившуюся гору река сразу прорвала и таким образом все уничтожила. После этого события к тому месту, где обрушилась крепость, пришли тридцать монахов и стали рыть оставшуюся от разрушенной горы землю, и обнаружили в ней медь и железо. Во время своей работы они услышали шум в горе, какой был слышен и раньше. Но в то время как их здесь удерживала дикая жадность, на них упала часть еще сохранившейся горы, их погребла и раздавила; так их больше и не нашли» (Greg. Tur. IV. 31). Закончив один рассказ, не позволяя читателю или слушателю немного расслабиться, Григорий Турский начал новое повествование: «Еще до бедствия³ в Клермоне, — писал он, — подобным же образом привели в страх население этой области великие предзнаменования («*Similiter et ante cladem Avernani magna regionem illam prodigia terruerunt [...В. Я.]*»). А именно: вокруг солнца часто показывалось сильное — утроенное и учетверенное — сияние, которое простые люди называли солнцами, говоря: «Взгляни-ка! На небе три или четыре солнца». Но однажды, в октябрьские календы (1 октября 563 года⁴), солнце было затемнено так, что не только не светила даже и четвертая часть его, но оно казалось безобразным и бесцветным, как мешок. Кроме того, над этой областью в течение целого года появлялась звезда, которую некоторые называют кометой, с хвостом, похожим на меч; и видели,

³ Здесь подразумевается эпидемия чумы 571 г.

⁴ См.: Савукова В. Д. Прим. 105 к IV. 31 // Григ. Тур. С. 383.

как пылает небо; и было много других знамений («[...В. Я.] et multa alia signa apparuerunt [...В. Я.]»). В клермонской церкви в какой-то праздник во время утренней службы влетела птица коридалл, которую мы называем жаворонком, и крылышками с такой быстротой погасила горящие лампы, что можно подумать, будто их схватил какой-то человек и опустил в воду; влетев в алтарное помещение под балдахином, она чуть было не погасила и светильник, но служители помешали ей и убили ее. Подобное проделала с горящими светильниками и другая птица в базилике блаженного Андрея. А уж во время самой чумы такая смертность была во всей той области, что и невозможно сосчитать, какое множество людей там погибло [...В. Я.]» (Op. cit. IV. 31).

I.1.2. Глава «De signis ostensis» («О предзнаменованиях»), как и предыдущая, полностью посвящена знамениям: «В этом году, — начал Григорий Турский, — вновь появились знамения («[...В. Я.] iteratis signa apparuerunt [...В. Я.]»): произошло затмение луны (18 сентября 582 года⁵); в области Тура из разломленного хлеба вытекла настоящая кровь; рухнули стены города Суассона; в городе Анжере было землетрясение; внутрь города Бордо вошли волки и пожрали собак, нисколько не боясь людей; видели, как по небу пробежал огонь. А город Базас сгорел от пожара, так что были уничтожены церковь и церковные дома. Однако вся церковная утварь, как мы узнали, была спасена» (Op. cit. VI. 21).

I.1.3. Лаконично точным был франкский историк при описании предзнаменований в главе «De signis» («О знамениях»): «На восьмом году правления короля Хильдеберта, накануне февральских календ (31 января 582 года⁶), когда в городе Туре в воскресенье зазвонили к утрени и народ пробудился и шел в церковь, небо стало облачным и из него вместе с дождем вырвался большой огненный шар и пролетел в воздухе большое расстояние. Он излучал такой свет, что все было видно, как днем. Когда же он опять исчез в облаке, наступила ночь. И против обычного прибыла вода. В самом деле, реки Сена и Марна вызвали около Парижа такое наводнение, что между городом и базиликой святого Лаврентия нередко совершались кораблекрушения» (Op. cit. VI. 25). По нашему разумению, франкский историк будет иметь в виду знамение — огненный шар, когда после рассказа о смерти маленького Теодорика произнесет: «[...В. Я.] Вот, значит, что означала та появившаяся из облака молния, о которой мы упоминали выше [...В. Я.]» (Op. cit. VI. 34). Образ «большого огненного шара», во-первых, похож на описание молнии и, во-вторых, он в повествовании ближе остальных к процитированному фрагменту.

I.1.4. В главе «De diversis signis» («О разных знамениях») Григорий Турский написал: «Саранча, вылетев в этом году из Карпитанской провинции, которую она всю опустошила в течение пяти лет, держась столбовой дороги, достигла другой, соседней с ней провинции. В длину саранча растянулась на расстояние 150 миль, в ширину — до 100 миль. В этом году в Галлии являлось много знамений («[...В. Я.] multa prodigia apparuerunt [...В. Я.]») и было множество бедствий в народе. В январе месяце зацвели розы. Кроме того, вокруг солнца появился большой круг, окрашенный в разные цвета, как это обычно бывает на небе в полукружье радуги, во время дождя. Мороз сильно повредил виноградники; последовавшая затем буря погубила во многих местах виноградники и посевы; то, что осталось после града, выжгла страшная засуха; некоторые виноградники дали немного плодов, другие же — ничего, так что люди, в гневе на бога, открыв входы в виноградники, впустили туда мелкий и крупный скот, произнося гибельные для самих же себя заклинания, говоря:

⁵ См.: Она же. Прим. 87 к VI. 41 // Григ. Тур. С. 402.

⁶ См.: Она же. Прим. 98 к VI. 21 // Григ. Тур. С. 403. В содержании шестой книги, однако, события этой главы датированы переводчицей 583 годом.

«Пусть в этих виноградниках никогда не произрастет ни одного побега!». Но плодовые деревья, которые дали плоды в июле месяце, в сентябре снова плодоносили. Вновь напал мор на скот, так что от него едва ли что-нибудь осталось» (Op. cit. VI. 44).

I.1.5. И у современника, прочитавшего в «Истории франков» главу «*De signis quae apparuerunt*» («О появившихся знамениях»), пробуждается ощущение тревоги и беспокойства. Чувствуется, что повествователь точно не кликушествовал, высказывая версию о смысле знамений в предположительном тоне: «События же эти происходили в декабре месяце. В то время на виноградных лозах появились новые побеги с уродливыми плодами, а на деревьях — цветы. По небу промчался большой огненный шар, который еще до рассвета на широком пространстве осветил землю. Кроме того, появились на небе и лучи. На севере был виден в течение двух часов огненный столб, как бы свисающий с неба, а над ним возвышалась звезда. В области Анжера произошло землетрясение. И появилось много других предзнаменований» («...В. Я.] et multa alia signa apparuerunt [...В. Я.]»), которые, как я полагаю, возвещали гибель Гундовальда» (Op. cit. VII. 11).

I.1.6. В совсем маленькой главе «*De signis ostensis*» («О случившихся знамениях») интригует авторская немногословность: «В то время появились знамения» («*apparuerunt signa*»). А именно: лучи со стороны севера, как они нередко появлялись; видели, как по небу промчалась молния, а на деревьях распустились цветы. Было же это в июле месяце» (Op. cit. VIII. 8).

I.1.7. До глубины души потрясли епископа-историка предзнаменования, увиденные им самим и скрупулезно пересказанные в главе «*De signis quae apparuerunt*» («О появившихся знамениях»): «Во время нашего пребывания в этой местности⁷ мы видели в течение двух ночей знамения («*signa in caelo*»), то есть лучи со стороны севера такие яркие, которых раньше еще не видели, и с двух сторон, то есть с востока и с запада, появились кровавые облака; и в третью ночь, приблизительно во втором часу, появились эти лучи. И вот в то время как мы, пораженные, смотрели на них с удивлением, с четырех сторон света появились другие, подобные им, лучи, и мы увидели, как все небо покрылось ими. А в середине неба было блестящее облако, к которому сходились эти лучи, наподобие шатра, который снизу начинался более широкими полосами, вверху кончался более узкими и на вершине связывался в один пучок. В середине лучей были и другие сильно сверкающие и блестящие облака. Это знамение («*signum*») повергло нас в великий страх, ибо мы ожидали, что на нас с небес посылается какое-то несчастье» (Op. cit. VIII. 17).

I.1.8. Тревогами и бедами людей был поглощен Григорий Турский, когда работал над главой «*De signis et dubietate pasche*» («О предзнаменованиях и о сомнении относительно даты празднования пасхи»): «В том же году в ночное время землю озарило такое сияние, что можно было подумать, что наступил полдень. Кроме того, видели также, как ночью по небу пролетали огненные шары и освещали вселенную. Тогда же по поводу празднования дня пасхи было сомнение, потому что Викторий в своем пасхальном календаре написал, что пасха приходится на пятнадцатый день после новолуния. Но чтобы христиане не справляли этот праздник в один и тот же день с иудеями, он добавляет: «Латиняне же справляют пасху на двадцать второй день после новолуния». Поэтому в Галлии многие справляли праздник на пятнадцатый день после новолуния, а мы — на двадцать второй день. Однако мы тщательно этот вопрос исследовали. И в самом деле, источники в Испании, которые по воле

⁷ Т. е. в монастыре, находившемся в восьми милях от крепости Ивуа. См.: Greg. Tur. VIII. 15.

божией наполняются в день пасхи, наполнились водой в тот день, в который мы справляли пасху. 14 июня было сильное землетрясение, на четвертый день недели ранним утром, когда начал брезжить рассвет. В середине октября (14 октября 590 года по юлианскому календарю⁸) произошло затмение солнца, и сияние его настолько уменьшилось, что было почти таким же, как бывает от серпа луны на пятый день новолуния. Шли проливные дожди, осенью был сильный гром и сверх меры прибыла вода. Города Вивье и Авиньон сильно пострадали от паховой чумы» (Op. cit. X. 23).

«*Prodigium*» (5)

I.1.9. Теперь я приступлю к рассмотрению тех глав «Истории франков», в названиях которых знамения обозначаются термином «*prodigium*». В главе «*De prodigiis ostensis*» («О знамениях») можно прочесть: «После этого ночью 11 ноября, в то время, когда мы отправляли ночное бдение в честь блаженного Мартина, явилось великое знамение («*magnum prodigium*»). А именно: видно было, как посередине луны засияла блестящая звезда и близ луны, и над луной, и под луной появились другие звезды. Появилось и то кольцо вокруг луны, которое обычно означает дождь. Но что это значило, мы не знаем. И в этом году мы видели часто луну затемненной, и перед рождеством господним раздавались грозные раскаты грома. И вокруг солнца появились такие же сияния, какие были, как мы уже упоминали, перед сражением⁹ в Клермоне, которые в просторечии называют солнцами. Утверждали, что и морской прилив был выше обычного, и было много других знамений («*alia signa apparuerunt*»)» (Op. cit. V. 23).

I.1.10. Глава «*De prodigiis*» («О чудесных знамениях») сравнится по объему разве что с главой тридцать первой книги четвертой: «На пятом году правления короля Хильдеберта в области Клермона случилось большое наводнение: дождь не прекращался в течение двенадцати дней, и в Лимане был такой разлив воды, что он многим мешал сеять. Вода в реках Луаре и Флаваре, которую называют еще Алье, и в других притоках, впадающих в Луару, поднялась настолько, что они вышли из берегов так, как никогда не выходили. Этот разлив рек погубил много скота, нанес ущерб посевам и разрушил здания. Подобным же образом Рона, слившись с рекой Соной, вышла из берегов, причинила большой ущерб народу и разрушила стены города Лиона. Но после того как дожди прекратились, вновь зацвели деревья; а был уже сентябрь месяц. В этом же году в области Тура видели, как рано утром, еще до рассвета, по небу пробежала молния и исчезла на востоке. Кроме того, слышали, как во всей окрестности раздался шум как бы падающих деревьев, но надо полагать, что он был не от деревьев, так как он был слышен на расстоянии пятидесяти миль или более. В этом же самом году произошло сильное землетрясение в городе Бордо, и городские стены находились под угрозой обвала. Все жители были охвачены таким смертельным страхом, что казалось, если бы они не разбежались, то их вместе с городом поглотила бы земля. Вот почему многие ушли в другие города. Это землетрясение захватило соседние города и достигло Испании, но здесь оно было не таким сильным. Однако с Пиренейских гор обрушились огромные камни, которые раздавили скот и людей. И деревни в окрестностях Бордо сгорели от возникшего по божьей воле пожара. Огонь так внезапно занялся, что сгорели как дома, так и амбары с годовым запасом хлеба. Огонь, очевидно, возник лишь по божьей воле, а не по какой иной причине. Сильно пострадал от пожара и город Орлеан, так что даже у наиболее богатых

⁸ См.: Савукова В. Д. Прим. 154 к X. 23 // Григ. Тур. С. 430.

⁹ В тексте, вероятно, опечатка. У Григория Турского в этом месте стоит «ante cladem», т. е. «до несчастья» — до эпидемии чумы 571 г., опустошившей Клермон.

совершенно ничего не осталось. И если кто-либо спасал что-нибудь от пожара, то и это грабили подстерегавшие вору. А в области Шартра из разломленного хлеба вытекла настоящая кровь. Тогда же и город Бурж сильно пострадал от града» (Op. cit. V. 33). В начале следующей главы хронист сделал вывод: «Но за этими знаменами (*«prodigia»*) последовал тяжелейший мор. А именно: когда короли враждовали вновь¹⁰ и готовились к братоубийственной войне, дизентерия охватила почти всю Галлию [...В. Я.]» (Op. cit. V. 34).

I.1.11. Во вступлении к главе «De legatis Galliciensibus ac prodigiis» («О послах из Галисии и о чудесных знамениях») не говорится о предзнаменованиях, но я процитирую и его: «Мир, король Галисии, направил к королю Гунтрамну послов. И когда они проходили через границу области Пуатье, которая тогда принадлежала королю Хильперiku, ему сообщили об этом. И король Хильперик приказал доставить их к нему под охраной и содержать их в Париже под стражей. В то время пришел из леса в горд Пуатье волк, проникнув в него через [открытые] ворота; когда ворота закрыли, волка в самом городе обложили и убили. Некоторые, кроме того, утверждали, что они видели, как запылало небо. Река Луара, после того, как в нее влилась бурная река Шер, поднялась выше прошлогоднего. Промчался такой силы южный ветер, что он повалил леса, разрушил дома, снес изгороди и, увлекая самих людей, губил их. Он бушевал на пространстве в ширину около семи югеров, а в длину и определить нельзя. Даже петухи часто пели с наступлением ночи. Произошло затмение луны (5 апреля 581 года¹¹) и появилась комета. За этим в народе последовала сильная эпидемия. Послов же свефов через год отпустили, и они вернулись на родину» (Op. cit. V. 41).

I.1.12. Описание предзнаменований в главе «De locustis, morbis prodigiisque» («О саранче, болезнях и чудесных знамениях») тоже начинается сообщением о событии из светской истории: «На девятом году правления короля Хильдеберта король сам возвратил своему племяннику часть Марселя. Из Испании вернулись послы короля Хильперика и сообщили, что саранча сильно опустошила провинцию Карпитанию¹², так что не было ни одного дерева, ни одного виноградника, ни леса, ни плодов, ни зелени, которых не уничтожила бы саранча. Послы также сообщили, что та вражда, которая возникла между Леовигильдом и его сыном, сильно возросла. Кроме того, ту местность опустошала чума, но больше всего она свирепствовала в городе Нарбонне, и только на третий год после того, как она появилась там, она затихла. И когда люди, спасшиеся от нее бегством, возвращались, они вновь заражались этой болезнью. Город Альби также сильно пострадал от этой эпидемии. В эти дни в полночь со стороны севера появились многочисленные лучи, испускающие сильный свет; сойдясь, они вновь разошлись, пока совсем не исчезли. Но и само небо с северной стороны так сильно сияло, словно забрезжила утренняя заря» (Op. cit. VI. 33).

I.1.13. Своеобразную «классику» повествования о предзнаменованиях представляет глава «De prodigiis» («О знамениях») и подобные ей: «Тогда же появилось множество знамений (*«Prodigia quoque multa dehinc apparuerunt [...В. Я.]»*). Так, в домах некоторых лиц сосуды оказались испещрены *неведомо какими знаками* (*«diversorum signis»*), которые никак нельзя было ни соскоблить, ни оттереть. А началось это *чудо* (*«prodigium»*) в области города Шартра и, распространившись в области Орлеана, дошло до области Бордо, не

¹⁰ В то время конфликтовали короли Гунтрамн и Хильперик. Вражду усугубляла ссора между Хильпериком и его сыном Меровеом.

¹¹ См.: Савукова В. Д. Прим. 199 к V. 41 // Григ. Тур. С. 396.

¹² Прямая связь со знаменами из VI. 44. См. об этом также: Савукова В. Д. Прим. 183 к VI. 44 // Григ. Тур. С. 405.

минуя ни одного города, расположенного между ними. В октябре месяце в виноградниках после сбора винограда мы заметили новые ветви с уродливыми гроздьями. А на деревьях появились новые побеги и новые плоды. Со стороны севера вспыхнули лучи. Некоторые утверждали, что они видели, как из облака выскользнули две змеи. Другие говорили, что неожиданно исчезла вилла с хижинами и людьми. Появилось *много других знамений* (*«[...]В. Я.] Et multa alia signa apparuerunt [...В. Я.]»*), которые обычно возвещали или смерть короля, или бедствия страны. В этом году сбор винограда был незначительным: был избыток воды, шли непрерывные дожди; и реки переполнились водой» (Op. cit. IX. 5).

«Portentum» (1)

I.1.14. Словом «portentum» Григорий Турский объединял «классические» же образы предзнаменований, как это видно в главе «De portentis quae apparuerunt» («О чудесных знамениях»): «И вот на седьмом году правления короля Хильдеберта, который приходился на двадцать первый год правления королей Хильперика и Гунтрамна, в январе месяце были дожди, сверкала молния и страшно гремел гром, на деревьях появились цветы. Показалась звезда, которую я выше назвал кометой¹³, и вокруг нее была великая чернота. И она, словно вставленная в какое-то отверстие, так и блистала, рассыпая искры напоподобие волос. От нее исходил луч удивительной величины, казавшийся издали огромным столбом дыма от пожара. Показалась же она со стороны запада в первом часу ночи. И в святой день пасхи (29 марта 582 года) в городе Суассоне видели, как заалело небо, словно от двух пожаров; один пожар был больше, другой же — меньше. Два часа спустя они соединились в пространстве, образовав большой огненный полукруг, и исчезли. В области же Парижа из облака пролилась настоящая кровь и, попав на одежду многих людей, так замарала ее, что люди в ужасе отказались от собственной одежды. И действительно, это *знамение* (*«prodigium»*) появилось в трех местах в пределах этого города. В области же Санлиса стены внутри дома одного человека, когда он утром проснулся, оказались обрызганными кровью. В этом же году в народе была сильная чума, оспа с волдырями и нарывами и другие болезни, унесшие в могилу много народа. Однако многие благодаря предосторожности избежали смерти. Мы слышали также, что в этом году в Нарбонне сильно свирепствовала паховая чума, так что ни у кого не было возможности избежать ее» (Op. cit. VI. 14).

«Historia Langobardorum» (3)

Два раза для обозначения знамений в названии главы Павел Диакон воспользовался термином «signum» (Op. cit. II. 4; IV. 15) и один раз — термином «portentum» (Op. cit. IV. 4). Опираясь на известные случаи из «Истории франков», я полагаю, что эти термины и здесь переводятся на русский язык в значениях «знамение» или «предзнаменование».

«Signum» (2)

I.1.15. Описанные Павлом Диаконem предзнаменования и терминологически, и ситуационно во многом повторяют предзнаменования, описанные Григорием Турским. В главе «De signis pestilentiae et mortalitate que tempore Narsetis Italiam vastavit» («О знамениях чумы и смертности, которая во времена Нарзеса Италию опустошила») обрисовал мрачные картины обстоятельств сильной эпидемии и некоторые другие события: «В это время (570 г.¹⁴) главным образом в

¹³ В IV. 31. См. об этом: Савукова В. Д. Прим. 69 к VI. 14 // Григ. Тур. С. 401.

¹⁴ Везде датировка событий «Истории лангобардов» дана по изданию, которое подготовили Л. Бетман и Г. Вайц.

провинции Лигурия началась великая чума. Поистине внезапно появлялись какие-то *значки* (*signacula*) на домах, гостях, домашней утвари, либо одежде, которые когда кто-нибудь хотел смыть, еще больше и больше появлялись. По истечении целого года в паху или других незащищенных частях у людей начали появляться железы величиной с орех или финик, что сопровождалось невыносимым жаром лихорадки, так что человек в трехдневный срок угасал. А если все же кто-либо трехдневный промежуток выдерживал, имел надежду спасения. Были же повсюду стенания, повсюду слезы [...В. Я.]. Перезревшие посевы нетронутыми ожидали косцов; виноградники с пожухлой листвой и сверкающими гроздьями остались необработанными к зиме. В ночное либо дневное время громко звучала труба сражающихся, многим слышался некий гул войска. Не было следов завоевателей, не показывались разбойники, однако взорам представляли умершие. Пастбища были превращены в могилы людей, а человеческие жилища были обращены в убежища зверей. Эти бедствия [распространились] внутри Италии до границ племен алеманов и баваров, поразив одних лишь римлян. Между тем жизнь государя Юстиниана близилась к концу [и] Юстин младший под Константинополем принял на себя управление государством [...В. Я.]» (Op. cit. II. 4).

I.1.16. Глава «*De signo sanguineo in caelo et bello inter se Francorum*» («О знамении крови в небе и войне франков между собой») состоит всего лишь из двух предложений: «В то же время (600 г.) взору явилось *знамение крови* (*signum sanguineum*) в небе наподобие столпа и ярчайшее сияние на всю ночь. В это же время король франков Теодоберт вел войну со своим двоюродным братом Хлотарем, сильно пострадавшим от этого бедствия» (Op. cit. IV. 15).

«Portentum» (1)

I.1.17. Таким же немногословным был Павел Диакон в главе «*De peste apud Ravennam, et de bello Childeberti cum filio Hilperici, et de portentis*» («О чуме в Равенне и о войне Хильдеберта с сыном Хильперика и о знамениях»): «В то время (ок. 592 г.) случилась чрезвычайно тяжелая паховая чума в Равенне, Градо и Истрии, продолжавшаяся, как и первая, тридцать лет. Тогда же король Агилульф заключил мир с аварами. А Хильдеберт вел войну со своим двоюродным братом, сыном Хильперика¹⁵; в этой битве было убито до тридцати тысяч человек. Была же тогда слишком холодная погода, которую едва кто-либо мог вспомнить прежде. Также в области бриттов из облака пролилась настоящая кровь; а посреди течения Рейна струился маленький ручеек крови» (Op. cit. IV. 4).

I.2. «Явные знамения» без специального термина в названии главы (6)

К «явным знамениям» в изучаемых хрониках относятся и те примеры, в которых встречается сам термин «знамение» в любой его ипостаси, невзирая на вполне обычное название главы. Такие знамения образуют *подтип «явных знамений» без специального термина в названии главы*. Количественное соотношение предзнаменований этого подтипа в лангобардской и франкской хрониках сформировалось также не в пользу первой. Григорий Турский называл знамения своим именем еще, как минимум, в четырех главах (Greg. Tur. V. 18; VI. 45; VIII. 4, 24), а Павел Диакон — в двух (Paul. Diac. II. 5; VI. 55).

¹⁵ В тексте речь идет о сыне Хильперика и двоюродном брате Хильдеберта (II). К этому времени из всех сыновей Хильперика в живых оставался только Хлотарь (II). См.: Савукова В.Д. Генеалогические сведения о франкских королях // Григ. Тур. С. 460–461.

«Historia Francorum» (4).

«Auspicious» (1)

I.2.18. В главе «*De nuptiis Riguntae, filiae Chilperici*» («О браке Ригунты, дочери Хильперика») Григорий Турский дал версию значения поломки повозки королевны Ригунты как недоброго предзнаменования, скорее всего, со слов очевидцев, сопроводивших это событие возгласом: «Не в добрый час!» — «[...]В. Я.] некоторыми это было принято за *предзнаменование*» («[...]В. Я.] pro auspicio susceptum est [...]В. Я.]») (Op. cit. VI. 45).

«Signum» (2)

I.2.19. В главе «*De Praetextato episcopo et interitu Merovechi*» («О епископе Претекстате и о гибели Меровея») Григорий Турский описал предзнаменования и дал им толкование: «Когда же мы находились в Париже, на небе появились *знамения*» («[...]В. Я.] *signa in caelo apparuerunt* [...]В. Я.]»). А именно: двадцать лучей на севере, которые поднимались с востока и уходили на запад: один был длиннее и ярче остальных, и как только он взвился ввысь, тотчас же погас; таким же образом за ним погасли и остальные. Я думаю, что они предвещали смерть Меровея [...]В. Я.]» (Op. cit. V. 18).

I.2.20. Глава «*De insolis maris*» («Об островах в море») интересна тем, что в ней хронист возвратился к предзнаменованиям, обсужденным в VIII.17. Хронисту стало известно о пожарах, уничтоживших два острова в море. Семь дней там бушевала стихия, погубившая множество людей и животных. «Многие говорили, — резюмировал сообщение Григорий Турский, — что те *знамения* (*multi signa*), которые мы видели в октябре месяце и о которых мы рассказали выше, — что будто бы горело небо, — были отблеском этого пожара» (Op. cit. VIII. 24).

«Praesagium» (1)

I.2.21. О благоприятном предзнаменовании, сопутствующем рождению короля Хильдеберта, турский епископ сообщил со слов короля Гунтрампа в главе «*Laus Childeberti regis*» («Похвала королю Хильдеберту»): «[...]В. Я.] при появлении мальчика на свет было такое *предзнаменование* (*praesagium*). А именно: когда брат мой Сигиберт (король и отец Хильдеберта — В. Я.) в святой день пасхи стоял в церкви и когда вышел вперед диакон со святым Евангелием, к королю подошел вестник; и в один голос с диаконом, читавшим Евангелие, вестник сказал «У тебя родился сын». Посему весь народ при этом одновременном возвещении единодушно восклицал: «Слава вседержителю богу!». Кроме того, Хильдеберт принял крещение в святой день пятидесятницы и наконец возведен в короли в святой день рождества господня [...]В. Я.]» (Op. cit. VIII. 4).

«Historia Langobardorum» (2).

«Signum» (1)

I.2.22. Обзор случаев с «явными знамениями» я закончу примерами из хроники Павла Диакона. Предзнаменования «по названию» запечатлены лангобардским историком в главе «*De invidia Romanorum adversus Narsetem, et quomodo eum accusaverunt apud imperatorem, et qualiter ipse Narsis langobardos ad Italiam possidendam invitavit*» («О ненависти римлян к Нарзесу, о том, как его обвинили перед императором, и как сам Нарзес пригласил лангобардов к овладению Италией»). Накануне вторжения лангобардов в Италию (567 г.) «[...]В. Я.] были видны страшные ночные *знамения* (*signa*), т. е. на небе появились огненные мечи, именно после рассеивания которых пролилась кровь [...]В. Я.]» (Op. cit. II. 5).

I.2.23. Глава «De Transamundo duce Spoletino et Gisulfo Beneventano et Gregorio et regno Hilprandi» («О Транзамунде, герцоге Сполетском и Гизульфе Беневентском и Григории и о царствовании Хильпранда») тоже содержит описание предзнаменования «по названию». На острие копья короля Хильдепранда (=Хильпранда. — В. Я.) сажалась и перелетала с места на место кукушка, так что «некоторыми сведущими [людьми] в этом знамении («portentu») был увиден знак, что его правление будет неудачным [...В. Я.]» (Op. cit. VI. 55).

Итого, восемнадцать случаям «явных знамений» из франкской хроники (Greg. Tur. IV. 31; V. 18, 23, 33, 34¹⁶, 41; VI. 14, 21, 25, 33, 34¹⁷, 44, 45; VII. 11; VIII. 4, 8, 17, 24; IX. 5; X. 23) противостоят пять случаев «явных знамений» из хроники лангобардов (Paul. Dias. II. 4, 5; IV. 4, 15; VI. 55).

Подводя предварительные итоги, следует отметить ряд важных обстоятельств. Во-первых, приспособленность хроникальных знамений к формализованному арифметическому учету (см. таблицу) открывает широкие возможности для исследования их качественных (содержательных) характеристик. Во-вторых, проведенная типологизация суть внешнее воплощение метатекстового происхождения предзнаменований, указывающего на их видовое сходство с мифологическими повествованиями. А это, в-третьих, обогащает методологию изучения раннесредневековых знамений всеми известными подходами, применяемыми для анализа мифов и подобных им семантических структур.

«Явные знамения» в «Истории франков» Григория Турского
и в «Истории лангобардов» Павла Диакона

Параметры	signum	portentum	prodigium	auspiciu	praesagium	Итого
I. 1	HF	8	1	5	-	14
	HL	2	1	-	-	3
I. 2	HF	2	-	-	1	4
	HL	1	1	-	-	2
Итого		13	3	5	1	23

Условные обозначения

- I. 1 — «Явные знамения» со специальным термином в названии главы
- I. 2 — «Явные знамения» без специального термина в названии главы
- HF — «Historia Francorum»
- HL — «Historia Langobardorum»

SUMMARY

In article the author's collection of early-medieval signs are described. 42 fragments with signs from two famous medieval chronicles — «History of Franks» by Gregory of Tours and History of longobards» by Paul the Deacon in total are analysed. For the first time typology of signs is given by a principle of presence or absence for them in the chronicles of the special terms. In the first part of article the examples 23 so-called «obvious signs» are given. The author has divided them into two types: 1) «obvious signs» with the special term in the name of the chapter and 2) «obvious signs» without the special term in the name of the chapter. For the description of these signs chroniclers used 5 special terms: «signum», «portentum», «prodigium», «auspiciu», «praesagium».

¹⁶ Здесь Григорий продолжил говорить о знамениях, описанных им в V. 33. При окончательном подсчете этот повторяющийся эпизод мною не учитывается.

¹⁷ В данном случае Григорий продолжит рассказ о знамении, описанном им в VI. 25. И этот эпизод я не учитываю.

G. HELG

Belgien, Deutschland, Raeren, Aachen

DER ERSTE KREUZZUG EIN «FERNER SPEIGEL»¹ UNSERER TAGE?

Man hat das 12. und 13. Jh. als das «Zeitalter der Kreuzzüge» bezeichnet, in dem sich durch die Verbindung von Glaube und Krieg der innigste Ausdruck des Mittelalters zeige². Durch die Kreuzzüge wurde das Verhältnis der großen Weltreligionen Christentum und Islam bis in die jüngste Gegenwart geprägt. Dies gilt im übrigen auch für das «Innenverhältnis» dieser Religionen: katholisch/orthodox bzw. sunnitisch/schiitisch. Für radikale Islamisten von heute sind Amerikaner, Westeuropäer und Russen «Kreuzfahrer», die mit dem Dschihad, dem Heiligen Krieg bekämpft werden müssen. Aber auch der amerikanische Präsident George W. Bush hat für den amerikanischen Abwehrkampf gegen den Terrorismus den Begriff «Kreuzzug» mehrfach verwandt und damit zumindest die Gefahr der Verallgemeinerung der Begriffe Araber — Muslim — Terrorist in Kauf genommen. Wäre also «Endurance Freedom» ein christlicher «Heiliger Krieg»?

Es war der erste islamische Dschihad im 7. und 8. Jahrhundert, der einen großen Teil der christlichen Welt dem Islam unterwarf, die Antwort des Westens darauf war der Heilige Krieg zur Befreiung Jerusalems.

Die Mittelmeerwelt um 1095

Am Vorabend der Kreuzzüge sehen wir im Mittelmeerraum drei große Feudalgesellschaften: die arabisch — islamische die byzantinische und die westeuropäische. Sie unterschieden sich wesentlich vor allem hinsichtlich ihres materiellen und geistigen Niveaus. Die islamisch-arabische Welt hatte durch eine einzigartige Rezeption sowohl der klassisch-antiken, wie auch der alten asiatischen Kulturen eine Blüte erreicht, mit der sich die feudale Ordnung Europas nicht im entferntesten messen konnte. Das gesamte Südufer des Mittelmeers bis nach Spanien war in diese Entwicklung einbezogen worden. Der byzantinische Staat umfaßte Kleinasien und Südosteuropa. Er befand sich auf einem vergleichbaren Niveau bezüglich seiner materiellen und geistigen Kultur. Das arabische Kalifat und das byzantinische Reich waren am Vorabend der Kreuzzugsbewegung die Zentren feudaler Kultur, West- und Mitteleuropa lagen dem gegenüber objektiv am Rand der Weltgeschichte. Die folgenden von Europa ausgehenden Eroberungszüge waren somit nicht allein politisch-militärische Ereignisse sondern schlossen die Auseinandersetzung mit der höheren Kultur ein³.

Georg Helg, Mitglied des Direktoriums zur Verleihung des Internationalen Karlspreises zu Aachen, beschäftigt sich mit der Europäischen Studien.

¹ Tuchman B. A Distant Mirror . N. Y., 1978.

² Schwinges R. C. Die Kreuzzugsbewegung // Handbuch der europäischen Geschichte. Stuttgart, 1987. Bd. 2. S.180.

³ Erbströmer M. Die Kreuzzüge. Gütersloh, 1977. S. 7.